

МАРИНА КИСТЯЕВА

A man with a beard and a woman with long blonde hair are shown from the chest up, looking through a grid of dark metal bars. The man is on the left, wearing a dark jacket, and the woman is on the right, wearing a dark, shiny jacket and a sparkling necklace. The background is dark and moody.

АУКЦИОН СУДЬБЫ

ТОМ 1

Марина Кистяева

Аукцион судьбы. Книга 1

«Кистяева Марина»

2018

Кистяева М. А.

Аукцион судьбы. Книга 1 / М. А. Кистяева — «Кистяева Марина», 2018

Аукционы бывают разными. На них выставляют не только произведения искусств. Но и девушек. Красивых и молодых. Саша по доброй воле «сделала» себя лотом. Потому что иного выхода не видела... Что будет по завершению аукциона – не имеет значения. Врачи поставили ей неутешительный диагноз, по факту вынося приговор. Время на исходе... Донора не нашлось... Чтобы не дать отчаянию поглотить себя, Саша принимает мудрое решение прожить отведенное время с пользой для семьи. Родные сделали всё, чтобы её спасти. Пришло время их отблагодарить. Но порой Судьба преподносит сюрпризы. В случае Саши в виде опасного мужчины, которого за спиной называют Осетин, купив её, не пожелал снять с её лица маску...

© Кистяева М. А., 2018

© Кистяева Марина, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Кистяева

Аукцион судьбы. Книга 1

Глава 1

– Многоуважаемые господа! Прошу внимательнее присмотреться к следующему лоту! Изюминка нашего аукциона! Девушка с удивительной, потрясающей внешностью! Она могла бы украшать мировые подиумы и блистать на обложках модных журналах! К её ногам кидали бы бриллианты и меха! Но она предпочла другую судьбу...

Ведущий аукциона сделал эффектную паузу, за время которой у Александры готово было выпрыгнуть сердце из груди.

Так...

Дыши.

И не волнуйся.

Не смей волноваться, Саша...

Тебе нельзя.

Ты выдержишь.

Ты сильная.

Помни, для чего ты здесь.

Девушка протяжно выдохнула и мысленно похвалила себя, что приняла не только таблетки, полагающиеся ей, но и успокоительные. Спокойствие – её главный козырь.

Не тело. Не изумительные волосы.

Сегодня – спокойствие.

Она прикрыла глаза.

Что там говорил Гриша? Ждать сигнала?

Ок. Хорошо. Отлично. Она будет ждать.

За спиной послышались женские смешки.

– Ну, надо же, как Жора старается ради неё. Ещё изюминкой вечера пусть назовет...

– Итак, господа, изюминка нашего вечера! Невероятная Александра! Прошу поприветствовать её громкими аплодисментами.

А вот теперь, кажется, пора выходить.

Саша, мысленно перекрестившись, понимая, что богохульничает, но не в состоянии преодолеть потребность обращаться к Богу, натянула на себя загадочную улыбку, которую репетировала последнюю неделю, как только появилась вероятность, что Гриша справится с поставленной задачей, и, распрямив спину, ступила на красную дорожку.

Тишина.

И взгляды.

Десятки мужских жадных, алчных взглядов.

Саша ошиблась – тишина не была оглушающей. Играла едва различимая музыка, фон, чтобы приглашенные гости, а по сути каждого из которых можно было назвать «хозяином жизни», чувствовали себя, как можно комфортнее.

Первые секунды самые сложные.

Не стушеваться. Ни на кого не смотреть. Никого не выделять.

Просто стоять.

И да... улыбаться.

– Саше всего девятнадцать лет, многоуважаемые! И она по-прежнему девственна, – это предложение ведущий произнес едва ли не с благоговейным трепетом. – Она давно могла бы

встречаться с обычным парнем, влюбится, родить ребеночка, но... Она предпочла сохранить себя для кого-то из вас! Для того, кто по достоинству оценит её, господи! Итак, ваши ставки?

«... – Ты должна четко понимать, что не встретишь там принца на белом коне, Альбиноски».

– Гриша, я понимаю.

– И что он не будет из красавчиков.

– Гриша, не зли.

– Я не злю, глупая, я пытаюсь... Ай, ладно, извини... И да, слушай, там контингент...

– Бандиты?

– Девочка, вот с чего это ты так решила, а, милая? Бандиты сейчас сидят по тюрьмам, сроки отбывают, а есть уважаемые бизнесмены, они ездят на крутых тачках и на кофе оставляют месячную зарплату твоего отца. Блин, с чего я начал... Ах, да. Про контингент. Девяносто процентов это люди в возрасте – это первое. Второе – много кавказцев. До хера, я бы сказал. Какой-то бум просто. Мало они продажных девок попортили, теперь им, мля, наших невинных девочек подавай. И ещё...

– Ты хочешь меня окончательно напугать?

– Я хочу тебя, глупая, отговорить.

– Гриша... Ты знаешь – не получится. У меня нет выбора.

– Дурацкое решение.

– Что ты там ещё хотел сказать?

– Бывают представители мусульман.

– Шейхов что ли?

Ехидный смех послужил ей ответом.

– Шейхов на всех не хватит. Но... В общем, я тебя предупредил.

– Гриша, я тебя поняла. Спасибо большое.

– Не передумала?

– Нет.

– Зря.

– Знаю.

– Саш... Ты же классная... Да по тебе все парни в классе сходили с ума...

Она прикрыла глаза.

– Вбивай в базу».

Когда происходил этот разговор, Саше думала, что будет непросто, но не подозревала, до какой степени.

– Десять тысяч.

– Оооо... Ставки начали появляться сами. Итак, хорошо, начнем с десяти тысяч... Кто больше?

– Двадцать.

– Тридцать.

– Тридцать тысяч, господи, за ночь с очаровательной блондинкой по имени Александра!

Ну, это несерьезно... Кому эта девушка принесет победу? Для кого она станет незаменимой? Кого согреет темными ночами?

– Тебя будут покупать не на ночь. Это разводилово. И читай контракт.

– Контракт?

– Конечно, мать! Контракт!

– Черт, попахивает эскортом.

– Ха. Это хуже, чем эскорт.

– Григорий, ты опять за своё?!

Она шутливо зарычала.

– Я пытаюсь тебе рассказать все подробности! Мать твою ж, Санёк, причем я делаю это впервые! Сечешь?! Впервые! Потому что хочу, чтобы...

– Да-да, я слышала про понимание, в какую дерьмовую историю я ввязываюсь!

Если бы он только знал...

Хотя о чем она? Гриша как раз-то всё и знал.

Поэтому и согласился.

– Что там про разводилово?

– Тебя покупают на несколько дней. Недель. Могут месяцев.

– Блин, как-то хреново звучит.

– Говорю, как есть...

– Покупают. Жестъ.

– Так что будь готова.

Сейчас она спрашивала себя – готова ли она? И понимала – нет.

– Пятьдесят тысяч.

Черт... черт... черт...

И почему она о Грише не вспомнила год назад?

Почему только сейчас, когда у неё осталось минимум времени?

Пусть итог был бы один и тот же, но многое изменилось бы.

– Сто тысяч.

– Ооооо... Ставки растут, господа.

– Сто пятьдесят.

Господи, неужели кто-то готов заплатить за её девственность сто пятьдесят тысяч?

Маразм.

Или...

– Двести.

– Триста.

– Пятьсот.

Ого.

И тишина.

Вот теперь она была оглушающей.

– Пятьсот? Замечательно, просто превосходно. Кто-то желает дать больше? Посмотрите на нашу Сашеньку! На нашу золотую девочку! Никто? Итак, пятьсот – раз!..

Если до этого Саша стояла и не смотрела на мужчин, то теперь не могла удержаться. Она должна знать, кто её купил.

Должна.

Незаметно повернула в сторону, куда указывал ведущий аукциона, и с трудом удержалась от вздрагивания.

Гриша её предупреждал...

На неё смотрел мужчина кавказской внешности, на вид лет пятьдесят, низкого роста, лысоватый. Он улыбался толстыми губами, положив руки с короткими пальцами, увешанными печатками с драгоценными кольцами, на столик с ажурной белой скатертью.

У Саши засосало в желудке.

Помогите ей, Святые Угодники.

– Миллион.

Мужской хриплый голос прорезал тишину.

Саша растерянно моргнула.

Миллион? Миллион за ночь с ней? Хорошо, за ночи. Это же... это же...

– Миллион!!! – оглушительно завопил ведущий в микрофон. – У нас новый рекорд и новый претендент! Итак, кто-то желает поднять ставки? Господа?

Саша пыталась отыскать глазами человека, назначившего новую цену, и не смогла.

Он стоял в тени.

– Один миллион – рааааз! Один миллион – двааааа... Один миллион – три! Продано, господа!

Глава 2

С чего началась эта история?

С подслушанного разговора?

Когда Саша проходила мимо и обратила внимание, что дверь на кухню в квартире крестного прикрыта. А она всегда была распахнутой...

Они говорили негромко, так, чтобы она не услышала.

– Сколько?..

– Две-три недели...

Всхлип матери и тихий мужицкий мат отца.

– Как мало... Господи, как мало...

– Вам давали прогнозы... год назад... Вера, время быстротечно и...

У матери началась истерика, и, чтобы заглушить её, та зажала рот рукой.

– Знаем... Мы все всё знаем... Но неужели...

Снова мат.

От безысходной злости. От полного бессилия перед обстоятельствами.

– Ничего не могу сделать. Мы пытались... Итог всем нам известен. Поэтому...

– Готовиться?

Слезы... и снова всхлип.

– Да. Готовьтесь. Я помогу... – теперь уже матерные слова от крестного, который практически никогда не ругался и всегда был очень сдержанным. – Помогу с похоронами и...

Больше слушать она была не в состоянии.

Открыла дверь, заботливо прикрытую матерью, и вошла в кухню.

Разговоры сразу же сникли.

Или ещё раньше?

Два года назад...

Их семья, что называется, на себе испытала значение присказки «сапожник без сапог». Только обычно всё менее трагичнее, чем у них.

Все члены их семьи имели прямое или косвенное отношение к медицине. Папа – фельдшер, мама – медсестра. Крестный, с которым они поддерживали близкие отношения, работал кардиохирургом. Саша тоже планировала поступать в медицинский. Жили они не богато. Она знала, что родители для того, чтобы она могла учиться в мединституте, более семи лет копили деньги. Отказались от расширения жилья и ютились в однокомнатной квартире, хотя с подрастающим ребенком это было проблематично. Все делалось на благо будущего.

Никто не ждал и не готовился к беде. Да и можно ли к ней подготовиться. Всё случилось в десятом классе. Саша с подругами в один из солнечных морозных деньков пошли покататься на коньках. Покатались, повеселились от души, потом отогревались в будке, сделанной местными умельцами, в которой переобувались в основном хоккеисты-любители. Девочки не заметили, как засиделись. Сашу начало знобить ещё на катке. Девушка говорила себе, что это обычный «отходняк» после катания. Мало ли что... Знобить не переставало и в будке. Но домой идти совершенно не хотелось. Плюс к девчонкам присоединись парни, среди которых был Илюха Шатов. Выпускник их школы, закончил три года назад и был звездой хоккейной команды. Высокий, красивый, любимец школы. Саше он тоже нравился. Давно. После школы он уехал поступать в Москву и в родной город навещался только на каникулах. Как сегодня. Так получилось, что после игры он присел рядом с ней и улыбнулся, подмигнув. И день для Саши засиял иными, более яркими красками.

– А ты красивая. Ты ведь в нашей школе учишься, правильно? Класс какой, напомни.

– Десятый, – краснея, призналась она.

– Клёво. Уже большая.

– Ну, типа того.

– Тогда мне можно тебя подвезти, – он продолжал улыбаться.

– Можно.

Шатов сидел в машине. Саша плохо разбиралась в марках, да и стемнело уже. Она запомнила лишь то, что машина была белой.

Они болтали о пустяках. И пока добирались до улицы, на которой проживала Саша, девушка мысленно молилась, чтобы вечер никогда не заканчивался и, чтобы Илья пригласил её завтра на свидание.

Он проехал её дом на пару метров.

– Эй... мой подъезд первый...

– Я слышал твой адрес. Но не буду же я тебя целовать на виду у предков?

Сердце закатилось от волнения. Саша позабыла, как дышать, и разрастающаяся боль в области груди, казалось, была напрямую связана с накопившимися на девушку эмоциями.

Илья продолжал всё так же беззаботно ласково улыбаться, наклоняясь к ней. Его большая, широкая ладонь дотронулась до щеки.

– Да ты вся горишь!

Шатов нахмурился.

– В смысле? – на Сашу обрушилось разочарование.

– В самом что ни на есть прямом! У тебя температура, как минимум тридцать восемь!

Марш домой!

Илья ошибся. У неё была не тридцать восемь, а все сорок.

Саша пришла домой и разревелась. Вот что за невезение такое? Чертова болезнь испортила намечающийся роман! А вдруг у неё с Ильей что-нибудь получилось бы? Она не строила напрасных иллюзий. Илья без пяти минут москвич, она – провинциалка. Но ведь бывают же легкие увлечения, перерастающие в настоящие чувства?

Оба родителя были на дежурстве. Поэтому Саша выпила жаропонижающее средство, молоко с мёдом и в весьма дурном настроении завалилась спать.

Утром стало ещё хуже. Тут она уже позвонила маме:

– Мама, мне что-то дурно.

– Что такое? – устало спросила Вера Анатольевна.

– Температура.

– Что пила?

Саша перечислила.

– Так, давай-ка ещё вот что прими...

Слова матери доносились сквозь пелену.

– Саш, ты меня слышишь?

– Да, мам.

– Будь умницей. Уроки выучила?

– Ещё вчера.

– Отлично. Скоро буду...

Саша уже плохо слышала маму. Нажала на отбой и опустилась прямо на палас. Села и прикрыла глаза.

Надо бы позвонить папе...

Как ни странно, но Саше ближе был отец. С ним они больше проводили времени. Гуляли, разговаривали. Если ей было плохо, она шла к нему. Садилась рядышком, и Вадим Сергеевич тотчас обнимал дочь, притягивая к себе.

– Мелкая, что нос повесила? Рассказывай, что приключилось.

Вот и в тот день, чувствуя, что находится на грани, Саша нажала на вызов «Любимый папуля».

– Да, дочь.

Он ответил сразу же.

А она единственное, что могла сказать, так это выдохнуть:

– Пап...

– Саша, что случилось?

Тишина.

– Саша, ты меня слышишь? Сашуль! Сашка!

Через полчаса Вадим был дома и обнаружил дочь, без сознания лежащую на полу.

Двустороннее воспаление легких – таков был диагноз – итог дня, что сулил быть одним из самых лучших в девичьих воспоминаниях Александры.

А стал началом конца.

Сашу госпитализировали. Лечили. Всё, как полагается. Только где-то что-то пошло не так.

И прозвучали слова терапевта:

– Воспаление дало осложнение на сердце.

Тогда, три года назад, для Саши эти слова не прозвучали никак. Ну, осложнение и осложнение. Часто ли мы задумываемся о здоровье в шестнадцать лет? Да почти никогда. Нам кажется – вся жизнь впереди. Жизнь, непременно, долгая, полноценная, радостная, с интересными и незабываемыми моментами. Конечно же, с любовью. Где-то там, впереди, Судьбой уготована встреча с человеком, который наполнит каждый твой день радостью и смехом, и однажды ты услышишь, как под твоим сердцем бьется ещё одно маленькое сердечко.

Всё это ожидало Сашу впереди.

Так она думала. Тогда.

Осознание надвигающейся катастрофы пришло с глаз отца. С его осунувшегося лица. С некой затравленности во взгляде. Обреченности. Саша смотрела на него и медленно начинала осознавать – что-то не так.

А жжение в области груди повторялось с удручающим постоянством...

ЕГЭ в одиннадцатом классе ей «сделали». В прямом смысле. Два последних месяца перед выпускными экзаменами Александра в очередной раз провалялась в больнице, кочуя из одной в другую.

– Мам, пап, я нормально себя чувствую. Мне русский зубрить надо и...

– Мелкая, никаких «зубрить». Иди отдыхать.

На папу Саша посмотрела так, точно тот сошёл с ума. Как не учить... Он о чем? Родители ей с первого класса внушали мысль, что учеба для неё обязанность, детская работа. Они работают в больнице, она в школе. Все логично и правильно. Саша училась хорошо. Сама учёба ей давалась легко, девочка тянулась к знаниям. Учителя её любили. И тут...

У Саши ёкнуло в груди.

Она хорошо помнила тот вечер, когда, дождавшись ухода мамы на ночную смену, – теперь родители не оставляли её дома одну – она подошла к отцу и, предварительно заварив чай, тихо спросила:

– Папа, насколько всё серьезно?

Отец молчал.

– Папа, я хочу знать. Понимаешь... Хочу. Мне это надо. Я уже взрослая...

– Саша, тебе только семнадцать! – простонал отец, и его глаза наполнились болью. Той самой мужской, что обычно не показывают, которую таят и прячут. Тем более, родители от детей. – Семнадцать, понимаешь?!

– Нет. Не понимаю. Объясни, папа, – она протянула руки к своей чашке и увидела, что они у неё мелко подрагивают. – Я хочу знать.

Отец молчал.

Смотрел на дочь и молчал.

Перед ним сидела ЕГО девочка. Его малышка. Единственный ребенок, вырванный им когда-то у Судьбы. Он дрался за неё, вгрызаясь зубами в самую жизнь. Боролся, никогда не сдавался и не помышлял даже о том, чтобы свернуть с выбранного пути. Саша была самым желанным ребенком. Самым дорогим. Самым долгожданным. Его солнышко. Его отрада. Всю любовь, что он не смог выплеснуть на женщину, всю ту заботу и внимание, что она не пожелала когда-то принять, он направил на маленькое создание, что появилось в его мире.

Саша... Сашенька... Александра.

Девочка с золотыми волосами и лучистой улыбкой.

Послушный ребёнок, что не доставлял никаких хлопот и рос самостоятельной личностью, полностью подготовленной ко взрослой жизни.

И тут...

Диагноз.

Черная черта на девственно белом листе.

Вадим до сих пор не верил. Отказывался принять. Но звонок от брата, работающего в московской клинике, подтвердил верно поставленный диагноз.

Сердце.

У его малышки в любую секунду может остановиться сердце...

И как ей об этом сказать?

Они всегда были близки – отец и дочь. Каждую свободную минуту он старался проводить с ней. Обсудить прочитанную книгу, сходить на премьеру фильма, погонять вдвоем мяч на поле перед лесом. Рассказать книгу на ночь и укрыть одеялом. Вера непонимающе качала головой, наблюдая за его, как она считала, чрезмерной заботой о дочери.

– Она вырастет, Вадим. Не стоит слишком опекать.

Опека и родительское внимание, участие в жизни ребенка – разные вещи.

И вот как осознать, что жизнь ТВОЕГО ребенка может оборваться в любой момент? Как принять горькую правду?

– Мы сделаем операцию, Вадим. В клинике, где я работаю. Тут хорошее оборудование. Не лучшее в стране, но... Стоящее.

Это сказал ему его брат, Константин. Его соперник. Тот, кто до конца не простил ему то, что Вера выбрала не его, а менее удачливого брата. Костя тогда психанул и сорвался в Москву, порвав на несколько лет связь с Верой и Вадимом. И лишь, когда те предложили ему стать крестным для четырехлетней Саши, он не смог ответить отказом.

– Спасибо.

– Вадим... – в трубке повисла тягостная тишина. – Операция операцией, но я бы озадачился вопросом нахождения донорского сердца.

Вадим осел на стул.

Он не стал задавать Косте вопросов.

Они были ни к чему.

Каждый из них понимал – найти донора нереально.

В голове тогда мелькнула мысль – отдаст своё. Да, он готов был пожертвовать жизнью ради жизни своей девочки. Но с накачивающим отчаянием вспомнил, что несколько лет назад пережил микроинсульт, и его сердце вряд ли подойдет. Да и по законам РФ никто не будет его убивать... Ни один врач не пойдет на преступление.

И нет выхода... Нет спасения.

Теперь доча сидит напротив и ждет от него ответа.

Смотрит внимательно. По-взрослому.

– Всё очень серьезно, – наконец, сказал он.

Саша улыбнулась сквозь навернувшиеся слезы. Она пыталась их скрыть, не хотела показывать, насколько её шокировало признание папы. Она надеялась, что он скажет что-то иное. Надежда – самая жестокая вещь в этом мире. Почему-то именно к такому мнению она пришла. Надежда дарит нам желанием жить, двигаться вперед, и когда её не остается, очень сложно, практически нереально оставаться в тонусе и заставлять себя каждое утро открывать глаза и улыбаться восходящему солнцу, а так же убеждать окружающих, что всё будет хорошо.

– Папуль, мы справимся... Мы обязательно справимся...

Тогда она искренне верила в слова, что были произнесены на крохотной кухоньке их «однушки».

Они обивали пороги министерства здравоохранения, и их поставили на очередь. Дав ещё одну призрачную надежду...

Глава 3

Больше всего в жизни Саша ненавидела фразу: «Надежда никогда не должна вас покидать» и тому подобное. Хочется выть и бросить в ответ что-то едкое. Надежда – самая жестокая вещь, какую только можно представить.

Нет, ты надеешься первые месяцы. Первый год. Смотришь в зачастую равнодушные от усталости глаза врача, который не может тебе ничего предложить, и на что-то надеешься...

А потом всё.

Это всё у Саши наступило полгода назад, когда крестный позвонил отцу и сказал:

– Есть донор.

Саша навсегда запомнила, как мать осела прямо посреди кухни, а отец начал заикаться от радости.

Говорили на громкой связи.

Саша позабыла, как дышать.

– До... донор?

– Да, Вадим, донор.

Первой обратила внимание на голос крестного сама Саша.

В нем не было ни восторга, ни облегчения, а ведь крестный принимал самое непосредственное участие в стремлении вылечить, что-то сделать полезное для Саши.

Девушка подошла ближе к папе и громко спросила:

– Крестный, в чем подвох?

– Привет, Сашуль.

– Привет. Так в чем подвох?

Пауза, за время, в которое отец успел переглянуться с матерью.

– Донор не проходит ни по одной базе.

Саша прикрывает глаза.

Вот он – подвох.

– В смысле? – Вадим ещё не понял до конца.

– Это контрабанда органами, брат, в самом что ни на есть прямом смысле.

– Откуда...

– Есть каналы. Я тоже не могу сидеть и ждать, когда Саша...

Он не договорил.

– Сколько, крестный?

– Триста тысяч. Сто даю я.

Саша, скорее увидела, чем услышала, как облегченно вздыхает папа, и лишь когда повернула голову, заметила, как кровь приливает к лицу.

– Костян, спасибо. Не, двести тысяч мы потянем...

– Папа, – оборвала его Саша, чего практически никогда не делала. Особенно в последние годы. – Ты не понял. Крестный, триста тысяч евро или долларов?

– Долларов.

Вот тут на родителей нашло оцепенение.

– Триста тысяч долларов... это сколько в рублях...

– Это нереально...

– Это...

– Крестный, твои сто... – Саша шумно сглотнула. – Откуда?.. И спасибо тебе, я...

– Накопил, Саш. Ты же у нас одна. Ладно, давайте, я сейчас прерву разговор и позвоню завтра утром. Ответ мне нужен к вечеру. Необходимо дать залог.

– А залог сколько?

- Семьдесят пять.
- Процентов?
- Нет. Тысяч.
- Спасибо, Костя.

Отец нажал на отбой и откинулся на спинку стула.

Мама кое-как поднялась с пола и, пошатываясь, прошла к кухонному диванчику с ободранными краями, опустилась на него и сипло сказала:

- Вадик, звони риелторам. Будем продавать квартиру.
- Мам... пап... вы чего... я не позволю... я не приму...

Саша даже не замечала, как плачет, как слезы брызнули из глаз и холодными струйками побежали по покрасневшим щекам. Она только чувствовала, как что-то обжигает лицо, да в горле стоит ком, который никак не сглотнуть.

- Без разговоров, Саша. Это не обсуждается.

Они продали квартиру быстро. Плюс накопленные деньги. Ещё другие родственники помогли. Озвученную сумму собрали.

А потом...

Потом их кинули.

«Передачу» сделали. И сердце привезли. Господи, как это кошунственно звучит, но что не сделаешь и не подумаешь, не скажешь, когда на кону стоит твоя жизнь.

Оно оказалось «непригодное». И срок для трансплантации вышел, и перевозку осуществляли неправильно. Много косяков было, только кого они волновали...

– Тупо из морга, – сказал крестный, отворачиваясь и пряча глаза, в которых также появились слезы. – Развели...

Мама долго ругалась сквозь рыдания. Требовала найти, угрожала полицией, что-то говорила, какие-то доводы приводила.

А в голове Саша билась лишь одна мысль – она, именно ОНА оставила родителей без квартиры, без средств к существованию.

Она.

Не те бандиты.

Не они.

Она.

Только она...

Поэтому Саша на следующий же день откопала в записной книжке телефон Григория.

- Привет, Григо. Надо встретиться.

* * *

Гриша нервничал. Он пригласил её в небольшое кафе в стиле стимпанка. Уютно и вполне мило. Саше даже понравилось.

Как только девушка узнала о диагнозе, она приучила себя иначе смотреть на жизнь, на каждодневные события, обращать внимание на то, что обычно человек пропускает мимо себя.

При смертельном диагнозе всё меняется...

Гриша выглядел стильно в белой футболке, с забритыми висками и небольшим хвостиком на затылке. Увидев одноклассницу, он поднялся, схватил огромный букет роз на длинной ножке и протянул его Саше.

- Привет, Сашуль.

– Привет, Гриша. Спасибо. Я могла бы сказать, что не стоило суетиться, но не буду. Мне правда приятно.

– Блин, вот за что я тебя всегда любил, Сергеева, так это за твою чопорность и долбанную аристократичность. Все девчонки, как девчонки, а ты не с нашей орбиты. И такой же и осталась.

– Это плохо?

Саша положила тяжелый букет на тот же кресло-стул с металлическими коваными ножками и забавными винтиками-шпунками, а сама села напротив молодого человека.

– Для тебя – нет. Для парней – да.

Они встретились взглядами, и Саша улыбнулась.

– Перестань, Гриша. Если бы ты не был конкретным бабником и аферистом, может, я и подпустила бы тебя к себе. Ты же пройдохой стал класса с девятого, если не раньше. Всё, что касалось мутных тем – к Григорию Варгянову.

– Ну-ну. Так я тебе и поверил. Да к тебе совсем нереально было подобраться.

– Ладно, Гриш, не будем. Школа – это такая... школа. Угостишь меня чаем?

– Конечно. Прости. Десерт?

– Давай. Я люблю сладкое.

Парень хмыкнул.

– И за это тебя подружки по-любому ненавидят. Видят, как ты уплетаешь тортики с пирожными за обе щеки и не поправляешься ни на грамм. Шикарно выглядишь, Сергеева.

– Спасибо.

Официант с очками-гогглами на голове появился у их столика, стоило Грише сделать знак. Саша осталась безучастной к выбору десерта. Её больше заботил предстоящий разговор.

Поэтому, как только официант отошёл от их столика, она откинулась на кожаную спинку кресла-стула и негромко сказала:

– У меня к тебе дело, Гриша.

– Я понял.

Он нахмурился.

– И мой ответ сразу «нет».

– Почему? – Саша спокойно улыбнулась.

– Да потому что, мля, ты хорошая девчонка! И что бы ты там себе не напридумывала, я не подпишусь. Поняла, Сергеева?

– Даже не выслушаешь меня?

– Нет.

– Тогда зачем согласился со мной встретиться?

– Может, увидеть тебя хотел.

Саша продолжала улыбаться, ласково глядя на парня. В одном он был прав. Её всегда считали неправильной, не от мира сего. И на то было несколько причин.

Во-первых, родители. Да-да, тут она должна была сказать спасибо папе. Он с раннего детства занимался с ней, приучал её к литературе, заставлял с собой смотреть аналитические программы, информационные. Естественно, это не могло не отложиться на характере и развитии Саши. И если ее ровесники больше разбирались в гаджетах, она знала имена всех премьер-министров и на ночь читала книги по истории медицины.

Во-вторых, её внешность. Кто-то считал её достаточно экзотичной. Кто-то дразнил её. Природа Сашу наградила чем-то средним между альбиносской и восточной внешностью. Пепельно-белоснежные волосы при бронзовой коже. Если альбиносы не могут долгое время пребывать на солнце, получая ожоги, она нежилась под теплыми лучами и к сентябрю получала шикарный, идеально ровный загар, которому завидовали не только девочки.

Поэтому да, она выделялась из толпы сверстников.

– Хотел бы увидеть, набрал номер, – Саша потянулась к сумке и достала из неё заранее приготовленный файл.

Спокойно положила его перед Гришей, который заметно напрягся.

– Что это, Сергеева?

– Это копия выписки истории моей болезни.

Гриша не спешил её брать.

– Зачем она мне? Сашуль, я в курсе, что у тебя там проблемы с сердцем, об этом все знали, и...

– Гриша, у меня нет проблем с сердцем. Уже нет... Потому что и сердца фактически нет. Парень недоумевающе нахмурился.

– В смысле?

– В прямом. Моё сердце сейчас больше напоминает лохмотья. Так что – да, его фактически у меня нет. А это, – она кивнула на файл, – чтобы ты точно представлял, о чем я говорю.

– Зачем мне знать подробности. Я не догоняю, Сергеева.

– Накануне мы вышли на неких ушлых людей, занимающихся нелегальной торговлей органами. Звучит, как в триллере. Ну, ладно, не о том. Они нам объявили цену, мы согласились. Родители продали квартиру, крестный дал все свои накопления. И нас кинули. Нет сердца, нет у меня жизни.

Она говорила спокойно, без иронии, не поясничая. Доводила до Варгянова некоторые факты своей жизни, не более.

Григорий побледнел.

– Вот же ж... суки.

– Гриша, посмотри, пожалуйста, на меня.

Он посмотрел, и взгляд его при этом бегал из стороны в сторону.

– Я не говорю, что ты, как они. Но! – тут Саша сделала небольшую эффектную паузу. – Я знаю, что ты занимаешься нелегальным бизнесом. Поставляешь девочек богатым заказчикам.

– Откуда знаешь? – в голосе парня прозвучали рычащие нотки. К файлу он так и не притронулся – поверил на слово. Потому что вращался в тех кругах, где слова «честность» и «порядочность» воспринимались, как нечто чуждое.

– Птичка на хвосте принесла.

– Оторвать бы той птичке хвост.

Гриша стал необычайно серьезным, его лицо приобрело жесткое выражение, если не сказать жестокое. Перед ней сидел молодой волк, пробивающийся на вершину пищевой цепочки клыками и когтями.

– Сергеева, не лезь туда, – он чуть заметно покачал головой, на что Саша спокойно улыбнулась.

– Поздно, Григо, поздно.

– Нет.

– Да. Я хочу, чтобы ты меня пристроил в один из клубов. За что дают самую высокую цену? За девственность. Вот и устрой меня на аукцион, в ближайшую пятницу-субботу. И не говори, что нет времени. Потому что у меня его тоже не остается.

Варгянов резко подался вперед, хватая Александру за руку и с силой сжимая её.

– Ты понимаешь, мать твою, во что пытаешься ввязаться?! – прорычал этот молодой хищник.

– Конечно.

– Ну так вот, информированная ты моя! Мне тоже на хвосте только другая птица пропела, что ты не девственница. Шатов оказался тем ещё треплом и, как только отымел тебя, всем растрепал, что снял с тебя «клубничку».

Саша прищурила глаза и тоже подалась навстречу. Теперь между лицами говоривших практически не осталось пространства.

– Я была душой. За что и расплачиваюсь.

– Поэтому ты не подходишь.

– Подхожу. Устрой меня. Остальное – мои проблемы. Слышишь, Григо? Мои! Ты хотел от меня жаргона, так получи! Я озвучу вслух – мне насрать, что будет со мной! Понимаешь? Насрать. Пусть меня хоть на куски режут, быстрее сдохну... А вот у моих любимых родителей за душой не осталось ни рубля. Да что там ни рубля... Ни копейки. Им даже хоронить меня не на что! Поверх земли не оставят, но факт остается фактом. И я не хочу, чтобы после моей смерти они скитались по съемным квартирам! В нашем городе комнату на общей кухне можно купить за пятьсот-семьсот тысяч. Я потяну на эту сумму? Потяну.

– На пятьсот точно потянешь! Мля... Да что я говорю... – он запустил пятерню в волосы, растрепав тщательно уложенный «хвостик», и отпрянул назад. – Нет...

В его голосе пропала прежняя уверенность.

– Да, Варгянов, – продолжала настаивать Александра.

В этот момент к ним подошёл официант. Они замолчали, выжидая, пока он расставит чашечки и десерты.

После того, как отошёл, они не спешили возобновлять разговор.

– Ешь пирожное. Здесь они очень вкусные.

– Помоги нам, Гриша, я тебя очень прошу.

– Саша, там проверяют девочек. Девственницы они или нет.

– Проверяет – кто? Гинеколог? Или они запрашивают данные из больницы?

– Сейчас и запрашивать не надо. Компьютерная база одна. Там свой врач, имеющий доступ. Поэтому... Достаточно просмотреть. Если нет никакой информации, то уже смотрит.

– Тем более.

– Не понимаю тебя.

– Что не понимать? Ты же наверняка помнишь Андрюху Семышева?

– Ну, помню.

– У него всегда был талант к программированию. Сейчас он кружится с хакерами. У меня есть на него выход.

Григорий откинулся на спинку и снова долго и внимательно посмотрел на девочку, с которой когда-то жил на соседних улицах и ходил в одну школу.

Красивая. Нереально красивая. В своей экзотической красоте. Да у него в штанах член периодически дергается на неё. Грудь под маечкой вон какая тугая и высокая. А волосы... Сейчас заплетены в тяжелую косу.

Она будет украшением любого клуба.

– Что же ты творишь, Сашка.

– Я пытаюсь помочь свои родным, Гриша.

– Никогда бы не подумал, что ты окажешься авантюристкой.

– Я и не авантюристка. Просто... так легли карты.

– Значит, так. Есть два клуба, где торгуют девственностью. В один ты сразу не попадаешь, потому что там возрастной ценз восемнадцать лет, и это самая верхняя планка. А во второй... Можно попробовать. Но сразу говорю – там люди тоже серьезные. И когда узнают, что ты не девочка...

– Всё будет хорошо, Гриша. И... спасибо тебе. А теперь давай попробуем десерт. Говоришь, вкусный?

Глава 4

Саша соврала.

Она боялась боли. Адски.

Говорят, что когда человек болен и часто вынужден делать разного рода медицинские процедуры, к неприятным ощущениям и боли привыкаешь. Неправда. К тому, что тебе не нравится, чему противится душа, и отчего стонет всё тело, каждая мышца, привыкнуть нельзя.

Саша научилась терпеть.

Гриша страдал её при каждой встрече. В конечном итоге Саша уже перестала реагировать на его рассказы.

– Гриша, я не передумаю. Утомись. И перестань меня пугать, мне и так страшно.

В отличие от Гриши, Андрей согласился быстро, и через час всё было готово.

– По всем больничным данным ты проходишь, как девственница. Последний осмотр у тебя был две недели назад.

Взял деньги и удалился, не задав ни единого вопроса.

И вот... она стоит посередине подиума на красной дорожке в белоснежной комбинации, и её только что купили за миллион рублей.

– *Сколько идет мне и сколько клубу?*

– *Договорюсь, чтобы тебе семьдесят пять шло, если цена перевалит за пятьсот. Если будет меньше, значит, половина. Такие условия.*

Надо было, чтобы больше пяти сотен, иначе весь смысл пропал.

– *И вот... Держи, – Гриша протянул её триста долларов.*

Саша нахмурилась.

– *А это что?..*

– *Деньги.*

– *Зачем они мне от тебя? – она насупилась. Ей неприятно было брать деньги от Гриши.*

И будь она не в столь плачевном финансовом состоянии, шутило бы послала его с этими деньгами. Но она возьмет.

Конечно, возьмет...

– *Сходишь сегодня и купишь себе белую комбинацию. Извини, но это всё, что я могу тебе дать.*

– *О.*

Она ему была благодарна. О том, в чем она будет одета, Саша как-то не подумала.

Её купили дорожке. Значит, семьсот пятьдесят тысяч сегодня вечером поступят на счет родителей.

Это – главное.

Она справилась.

Или справится?

Впереди самое «интересное».

Дальше всё воспринималось сквозь туман.

Саша пыталась всмотреться в темноту и увидеть, кто купил право на её тело, но лишь видела лицо кавказца, искаженное гримасой яростного гнева. Он ударил раскрытой ладонью по столу, выражая крайнюю степень недовольства. Девушка поспешно отвела взгляд.

Ведущий ещё что-то говорил, благодарил всех за участие, Саша сделала шаг назад, когда услышала:

– Неужели Осетин пожаловал?

– Серьезно? Он?

– Кажется, да.

Переговаривались визажист и парикмахер. Они стояли у широкого прохода и наблюдали за происходящим.

Саша насторожилась и сделала вид, что поправляет бюст от комбинации. Её из зала уже было не видно, чему она не могла не радоваться. Десятки оценивающих глаз, глумливые усмешки на лицах, зависть на тех, кто шел до неё и только собирался выходить. Она пыталась абстрагироваться, но не всегда получалось.

Зато обслуживающий персонал относился ко всем девочкам одинаково равнодушно. Привыкли. Причесали, накрасили, тут белишко поправили и вперед. Ничего нового, обычная рутинная работа.

Саша не пыталась завести разговор с кем-либо.

Когда её от Гриши забирала машина с тонированными стеклами, он дал последний совет:

– *Постарайся вести себя, как можно естественнее. И не нервничай.*

– *Я наглоталась таблеток. Так что... спокойна, как удав.*

Она чмокнула Григо в щеку и уже хотела выходить, но он поймал её за руку. Взгляд – серьезный.

– *Сашуль, почему у меня чувство, что я отправляю тебя едва ли не на эшафот?*

У неё у самой было такое чувство.

– *Всё, Григо, целую. Спасибо тебе. Как всё закончится, напишу.*

Она села в машину, и водитель попросил надеть повязку на глаза. Гриша о подобном предупреждал. Клуб – закрытый, и организаторы не жаждали оповещать его расположение.

Знакомиться с другими девушками, Саша так же не стремилась. Да, кажется, и они были такого же мнения. Каждая видела в другой конкурентку.

Красивые. Все, как на подбор. Миниатюрные или модельной внешности. На любой вкус и выбор.

Саша смотрела на них из под опущенных ресниц, и в её голове билась одна-единственная мысль: неужели все эти молоденькие девочки специально блюли себя, зная, что придет день, и они ступят на красную дорожку аукциона? Не чтобы поучаствовать в конкурсе красоты, а чтобы продать себя подороже? И если конкурсы красоты хотя бы делали вид, что у них всё чистенько, то здесь вещи называли своими именами.

Услышав про некого Осетина, Саша вдруг шестым чувством поняла – это он. Тот, кто её купил. Девушка внутренне застонала. Судя по тому, как называли его за глаза, он относился к лицам кавказской национальности. Не то, чтобы Саша относилась к ним с предубеждением. Ей приходилось общаться и с грузинами, и с дагестанцами. Обычные ребята. Да, порой посматривают на русских девушек с легким пренебрежением, не без этого. Но одно дело общаться, держа расстояние. Другое – быть с одним из них.

Желудок скрутило в тугой узел.

– Давненько его не было, – это сказала парикмахер, продолжая выглядывать из-за шторы.

– И не говори. Я думала, он вышел из дела.

– Так и есть, только...

Что хотела сказать парикмахер, Саша уже не узнает, потому что к ней подбежала одна из администраторш – девушка всё той же модельной внешности, на сумасшедшей двенадцатисантиметровой шпильке и в идеально сидящем на её стройной фигуре белом костюме.

– Саша, что вы тут стоите! Пойдемте, скорее, вас уже просят.

Простят. Вот как. Хотя бы пока не требуют. Или тут в клубе это и подразумевается?

Как бы ни хотелось ей остаться и дослушать разговор, она кивнула и последовала за администраторшей, не переставая дивиться её летящей походке. Как она ходит и не смотрит под ноги? Да на таких «ходулях» свернуть голову – плевое дело.

У Саши была особенность, выработанная за время болезни: чтобы не заикливаться на предстоящем важном событии, способном выбить её из колеи, она начинала акцентировать

внимание на всяких пустяках. В данный момент её заняли туфли. Шикарные, честное слово. Саша бы их примерила, чтобы сфоткаться на память и тотчас сняла бы. Ходить на таких смерти подобно.

Как часто мы употребляем в житейских мыслях какие-то фразы и никогда не думаем об их истинной сути. Так и сейчас. Промелькнула последняя фраза и резанула ножом. Александре-то как раз перед смертью можно и на таких походить, вернее, поковылять.

Она свернула за администраторшей в раздевалку, в которой сейчас, кроме них двоих, никого не было.

– Так, Сашенька, держите. Это ваш размер. Подарок от клуба.

Девушка протянула ей большую плоскую коробку.

– Что тут?

– Платье и чулки. Комбинацию не снимайте, она на вас сидит идеально. А что у вас из обуви? – администраторша вдруг враз посерьезнела. – Хотя если честно, я не представляю... Ай, ладно, разберетесь, не маленькие. Так что у вас из обуви?

– Балетки.

– Хм... Не совсем айс. А какого цвета?

– Беж.

– Тогда ещё полбеды. Ладно, Саша, переодевайтесь, только, пожалуйста, побыстрее. Мне вас вывести надо, а у нас уже следующая девочка сейчас готова будет.

Переодеваться – это сильно сказано.

Александра дрогнувшей рукой раскрыла коробку и обнаружила внутри простое белое платье. Кажется, она угадала с цветом белья. И, кажется, ошиблась, когда решила, что платье простое. Увидела знакомый лейбл, и тихо ахнула.

С размером организаторы угадали, оно село на Сашу превосходно. Платье-футляр, длина по колено, соблазнительно подчеркивающая все прелести фигуры.

Администраторша, осмотрев Александру, покачала головой.

– Что-то не так? – волнение сказывалось всё сильнее, в другое время Саша даже не обратила бы внимания на недовольную реакцию незнакомой девушки, которую видит в первый и последний раз.

– А верхняя одежда у вас какая?

Интересный допрос получается.

– Ветровка.

– Это хорошо.

– А в чем дело, вы мне не скажите?

Девушка поджала губы и быстро выпалила:

– Презент от клуба я вам не могла не вручить, у нас так заведено. Но дело в том, что вы от нас поедете на транспорте клиента, выкупившего вас. Глаза вам, тоже по правилам, должны завязать. Но в виду некоторых событий... В общем, я не знаю, как с вами быть.

– Если честно, я вас не понимаю.

Так и хотелось оборвать лепет администраторши и более настойчиво спросить, в чем дело, а то ходит она вокруг да около, не внося определенности.

– Ваш клиент прибыл на байке.

Брови Саши непроизвольно поползли на лоб, теперь стали понятны вопросы администраторши по поводу её обуви и верхней одежды. Хорошо, что Саша пришла с большой сумкой-рюкзаком, которую можно пристроить за спину.

Но мотоцикл...

Господи, да Саша никогда на него даже не садилась! Среди молодежи больше приветствовались машины, и, как только мальчики достигали совершеннолетнего возраста, всеми

правдами и неправдами пытались отжать автомобили у родителей или купить подержанные. У кого что получалось.

На байки пересаживались мужчины, что постарше.

Так, по крайней мере, считала Саша.

И тут такой сюрприз.

Да она боялась этих байков до дрожи в коленях!

Администраторша не зря высказывала недоверие – как она на него заберется в узком платье?

Черт.

Неожиданно Саша поймала себя на том, что её губы медленно растягивались в задорную усмешку. Кажется, Судьба решила её напоследок побаловать новыми эмоциями. Каждый день подбрасывает ей что-то интересное.

Администраторша вела Александру другими коридорами, как поняла последняя, во избежание встречи с другими девушками или клиентками. Надо же, какая конспирация. С другой стороны, при мысли о том кавказце, у неё холодок пробежал по спине. Что бы она с ним стала делать? Вернее, чтобы он с ней стал делать?

– Удачи, Саша.

Администраторша улыбнулась и открыла ключом дверь.

– Спасибо. И вам.

Её ждали.

Сначала Саша увидела черную тень, что стояла у стены. Большая и отчего-то зловещая.

Умом девушка поняла, что это иллюзия, созданная её возбужденным восприятием. Что та авантюра, в которую она ввязалась, рано или поздно ей аукнется, не могут успокоительные действовать бесконечно долго. Да и место, куда её вывели, наложило свой отпечаток. Это был узкий двор, рассчитанный на несколько автомобилей, с продолговатым крытым выходом. Автомобилей Саша насчитала всего пять штук, и мотоцикл, стоящий вызывающе одиноко и прямо по середине, брал весь акцент на себя.

Даже Саше, не разбирающейся в байках, хватило одного взгляда, брошенного на него, чтобы понять – байк не из дешевых. Вот совсем. Плавные линии, литые диски, какие-то навороты.

Но не байк интересовал девушку, а его хозяин, который её поджидал у стены.

Как только она ступила во двор, он «отклеился» от стены. Слабое освещение не позволило Саше рассмотреть мужчину, да и шлем, надетый на голову, этого не позволил.

Лишь фигура.

Саша сглотнула.

Метр восемьдесят минимум, а то и больше. Широкий в плечах. Походка плавная, как у хищника. Темные штаны, обтягивали длинные мощные ноги.

На мужчине была кожаная куртка без каких-либо металлических элементов и надписей, так любимых байкерами. Под курткой – белая футболка, что сейчас пятном выделялась на фоне сумеречной ночи.

Саша остановилась, нацепив на лицо улыбку.

Вот она – первая встреча.

Мужчина двинулся к девушке спокойно, размеренно, и она снова подумала, что к ней идет двуногий зверь, покоритель каменных джунглей. На Сашу трудно было произвести впечатление, научена горьким опытом, а тут она чувствовала, как от незнакомца едва ли не на материальном уровне исходят флюиды власти. Некой атмосферы, под которую невольно попадают представительницы прекрасного пола.

Саша не ошиблась – мужчина был высок.

Она так увлеклась рассматриванием его фигуры, что не сразу увидела в его руке второй шлем.

– Надевай и поехали.

Он протянул её шлем.

Саша моргнула. Потом обругала себя, что стоит, как кукла и хлопает глазами. На автомате взяла шлем и хотела было поздороваться, но мужчина уже выдвинулся к байку, полностью игнорируя её реакцию.

Саша протяжно выдохнула.

Вперед, девочка. Смелее.

Пора выполнять условия аукциона.

Глава 5

Поездка на мотоцикле произвела на Сашу едва ли не большее впечатление, чем аукцион. Было страшно.

До дрожи в коленях.

Наверное, она бы вспоминала эту поездку через годы с какой-то затаенной тоской. Как нечто запретное, выходящее за рамки того, что она хотела сделать. Для многих поездка на мотоцикле – обыденность. Есть целая категория людей, которые ждут прихода весны с одной единственной целью – выгнать «на свободу» любимый байк, надеть кожаную куртку с защитой и выехать на скоростную трассу, где выжать из «любимчика» по максимуму, навстречу ветру и свободе.

Для Саши мотоцикл всегда был за гранью интересов. Да и среди знакомых никого не было, кто бы имел к ним страсть.

Саша прижалась головой к плечу мужчины и крепко зажмурилась. Она не знала, куда они едут. Понимала, зачем. Запах кожи, смешанный с запахом дорогого парфюма и крошек пыли, проникающий даже через плотный шлем, добавили остроты. Краем сознания Саша поймала себя на мысли, что поездка ей начинает нравиться. Или она заставила себя так думать? А, может, кидается из крайности в крайность, пытаюсь выцарапать из сегодняшней ночи яркие впечатления? Поймать их, принять и частично сублимировать, возможно, нафантазировать, что она повстречала в клубе таинственного, опасного незнакомца, что с первого взгляда покорила её, увлек, похитил. Да-да, похитил, а она позволила это сделать.

И впереди их ждала сказочная ночь.

Какие плюсы были у того, кого называли Осетином? Саша, чувствуя, как ветер гуляет в её растрепавшихся волосах, мысленно начала перечислять возможные положительные моменты. Хорошая физическая форма – раз. Высокий, статный. По голосу вроде бы молодой, но тут не скажешь стопроцентно. Пусть будет это два. Что ещё... Запах его понравился. Хотя тут скептик, живущий в Саше, ехидно подметил, что ей нравятся любые запахи, не имеющие отношения к медикаментам.

Мотоцикл опасно наклонился, входя в поворот, и Саша зажмурила глаза.

Большой минус незнакомца – то, что он катается на байке, а не на комфортном, куда более безопасном автомобиле.

Ехали они долго. Или так казалось Саше? Перед аукционом девушка сняла часы по рекомендации администраторши и закинула их в сумку. Достать не успела. И когда мотоцикл остановился, ей хотелось посмотреть на циферку, которую покажут часы.

Первым с мотоцикла слез мужчина, снова немного удивив Сашу молчанием. Так же, ничего не говоря, протянул руку, чтобы помочь ей.

Саше бросились в глаза водительские перчатки без пальцев. Как они называются у байкеров? Митенки? Краги? Интересно у нас устроено сознание. Спроси Сашу об этом ещё неделю назад, она равнодушно пожала бы плечами, мол, ей откуда об этом известно. А сейчас, в экстремальной ситуации, всплыли из памяти.

Девушка, порадовавшись в очередной раз лошадиной дозе успокоительного, вложила ладонь в прохладные длинные мужские пальцы, что сразу же крепко сжали её, даже причинив легкий дискомфорт.

Саша сглотнула. Главное, не накручивать себя раньше времени.

С помощью мужчины она слезла с байка и лишь тогда обратила внимание, что разъезжала по городу фактически «с трусиками на показ». Надо же, не заметила. Всё-таки её одежда не предназначалась ни коем образом для мотоцикла.

– Снимай шлем и поворачивайся ко мне спиной.

Растерянно моргнув, Саша медленно сняла с головы шлем, немного запутав его в волосах. Странная просьба, опять же больше походившая на приказ, отданный грудным хриплым голосом, вызвала у девушки непонятную реакцию. С одной стороны, ей абсолютно не хотелось подчиняться. Его слова вызывали, заставляли интуицию насторожиться, воспротивиться. С другой стороны... Не стоило забывать, что он должен был перечислить на её счет и на счет клуба деньги.

Кстати, по поводу оплаты. Ей необходимо о ней позаботиться до того, как они лягут в постель, и заказчик поймет, что его малость надурили. Думать о его реакции Саша боялась, потому что ничего хорошего ждать не приходилось.

Поэтому ей ничего не оставалось делать, как подчиниться.

Шлем она передала мужчине, тот его сразу же повесил на руль байка.

Неуклюже переставляя ноги, Саша повернулась к Осетину спиной.

И вот тут до неё дошло.

Они стояли на обочине трассы. Вокруг никого и ничего, кроме леса.

Вот тут страх хлестнул по Саше похлеще отцовского ремня, который она однажды всё-таки испробовала на своей попе. Давно это было. Ей тогда только восемь лет исполнилось. Заигралась с девчонками и ушла к заброшенным складам, что местные растаскивали по балкам да кирпичикам. Опасное место, излюбленное бомжами да бродячими собаками. И не безопасное в плане конструкции – крыша могла обрушиться в любой момент, как и пол. В стенах зияли дыры. А девочкам интересно, они там устроили игры в прятки. Вот её отец и нашел в одиннадцатом часу ночи. С ремнем на перевес. Попа у Саши горела знатно.

А тут безлюдная трасса. И сразу в голову полезли дурные мысли, одна хлеще другой.

– Ничего страшного с тобой не случится, – мужчина за спиной словно угадал её состояние. – Я сейчас завяжу тебе глаза и только. Ехать нам не долго. Через пять километров поселок.

– А зачем... завязывать глаза? – Саша впервые с ним заговорила. Голос предательски дрогнул. Нет, чтобы свести всё к шутке да начать кокетничать с мужчиной, как наверняка делали её соратницы по аукциону, она застыла столбом и ничего умного не может придумать.

– Надо.

Весомое объяснения.

– Я бы попросила вас этого не делать. Я...

Черная повязка легла на глаза.

– Будешь спорить, аннулирую сделку. Контракт между нами ещё не подписан.

Вовремя напомнимый аргумент пресек дальнейшие возражения Саши. Ко всему прочему в голосе мужчины проскользнуло явственное раздражение, а злит Осетина Саша не имела права. Ей с ним ещё объясняться. Да что объясняться! Ей с ним ещё сексом заниматься, и очень не хотелось испытать вместо хоть каких-то приятных ощущений насилие раздраженного мужчины.

Она позволила завязать на затылке узел, и крошечная тьма не добавила уверенности Саше. Теперь она вообще ничего не видела. Мало того, что трасса и так была мало освещена, что говорило о том, что они не на центральной дороге, а куда-то уже успели свернуть, пока она жмурилась и прижималась к мужской спине. Так теперь мужчина не хотел, чтобы она видела, куда он её повезет.

А это настораживало.

Очень.

– Теперь аккуратно возвращайся на байк.

Легко сказать, но как сделать?

Саша облизнула враз пересохшие губы и не шелохнулась с места. Реакция мужчины оказалась предвиденной – он приглушенно выругался.

– Не рыпайся.

Прежде чем она успела что-либо подумать или сказать, он, словно она совершенно ничего не весила, подхватил её на руки и посадил верхом на сиденье, Саша успела только испуганно охнуть во время манипуляции.

– Держись крепче.

Саша и без данного указания намертво вцепилась в сиденье. Не рухнуть бы кульком на землю или не обжечься о трубу. Черт, куда тут ногу поставить?

Поглощенная мыслями, что метались из стороны в сторону, девушка не сразу заметила чужое прикосновение на бедре, заставившее её тотчас замереть и часто задыхаться.

Она думала они доедут до квартиры, дома или отеля. До чего-то, где им будет комфортно и лишь тогда Осетин заявит на неё права.

Кажется, она ошиблась, и у него были другие планы.

У Саши похолодело в груди. Она знала, что придется нелегко, и всё же надеялась на некое нормальное стечение вечера. Хотя о какой нормальности может идти речь, если мужчина покупает девственность молоденькой девушки? Она даже боялась задасться вопросом – зачем ему это надо...

Мужская рука жгла обнаженную кожу бедра. Саша тяжело задыхалась, подавив порыв попросить немедленно убрать руку.

Всё идет по сценарию.

Только не по её.

– А ты красивая.

Эта фраза заставила Сашу вынырнуть из собственных непонятных размышлений, позволяющих ей отвлечься от происходящих и не думать о том, что она некоторое время назад продана, как та самая продажная девка.

Заявление Осетина слегка смутило её. Она красивая – где? Под платьем? Или в целом красивая? Если в целом? А он что, даже не видел её там, на подиуме?

Саша ничего не понимала. Да и надо ли ей понимать...

Меньше копается в собственных мыслях – лучше для её психики.

– Спасибо, – негромко ответила она, продолжая испытывать сильный дискомфорт от темноты.

Мужская ладонь исчезла.

– Крепче держись.

Ей на голову всё-таки вернули шлем, за что Саша была благодарна незнакомцу. Пусть до некого поселка и оставалось нет ничего, но лихачей всегда и везде предостаточно. Не хотелось бы... вот так... на трассе...

Оставшийся путь Саша проехала, намертво вцепившись в Осетина. Прижалась к нему, как можно крепче, стараясь слиться с его телом.

В эти минуты она возненавидела мотоциклы всей душой.

Когда Осетин заглушил двигатель, она всё ещё продолжила сидеть, не разжимая пальцы на его талии. Мужчине пришлось самому расцеплять их. Саше даже показалось, что он хмыкнул. Смешно ему, гаду. А ей теперь стоит его благодарить за новые ощущения.

Дальше повторились недавно уже сделанные манипуляции – он помог ей слезть с байка.

– Мы стоим у крыльца. Двенадцать ступеней.

Саша кивнула.

– Я поняла.

И всё равно она споткнулась и едва не упала, когда сделала первый шаг.

– Да что же ты какая... – он, видимо, собирался добавить смачную ремарку, но догнал, что сложно ориентироваться в незнакомом месте ночью с завязанными глазами. Как тут не

вспомнить про черную кошку в черной комнате. Вот именно так себя Саша и чувствовала. – Ладно, куколка, иди сюда.

Пренебрежительное прозвище неприятно резануло по ушам, и Саша сжала губы, чтобы не ответить. Ей приходилось не раз слышать подобное обращение. В детстве взрослые часто сравнивали её с куклой, а, повзрослев, она уже слышала подобное от мужчин. И ей всегда хотелось отвесить звонкую оплеуху. Если природа наградила её кукольной внешностью, неужели при виде неё во многих мужчинах просыпалась кобелиная натура? Становилось очень обидно.

Сегодня... не до обид.

Саша испуганно вскрикнула, когда её достаточно резко и между тем легко оторвали от земли и занесли в дом. Отчего-то в голове возникла шальная фраза – прямо, как невесту. Бельишко на ней тоже соответствующее. Только «невеста» «порченная».

Она слышала, как Осетин ногой захлопнул дверь.

Ставить на пол он её не собирался, прошел дальше. И снова лестница. Второй этаж?

У Саши возникли предположения, что её привезли в загородный дом. И вот теперь несут, скорее всего, в спальню. Куда же ещё...

Она интуитивно обняла мужчину за шею. Крепкая. Хотя в одном повезло – у её покупателя была отличная фигура. Как бы себя Саша не настраивала, она плохо представляла, как будет заниматься сексом с мужчиной, что ей окажется неприятен физически. Как-как... Через силу.

Хватит думать, Саша, хватит!

Сосредоточься на предстоящем. Ты должна очень понравиться Осетину... Очень. Иначе быть большим проблемам.

– Вы не снимете повязку? – негромко поинтересовалась она, чтобы отвлечься от терзающих её мыслей.

– Нет.

– Можно свет не включать...

– Нет.

Понятно. Лучше не встречать и мнение своё не навязывать.

Саша внутренне сжалась. Кажется, мужчина попался ей с непростым характером.

И снова ей послышался звук открывающейся двери.

– Вас же заставляют купаться перед аукционом?

На этот раз его голос с легким акцентом прошелся хлыстом по оголенным нервам Саши.

– Да, – выдохнула, чувствуя, как её щеки начинают пылать. Пришлось себя одернуть. Поздновато она спохватилась со своей природной стыдливостью. Или она просто не привыкла обсуждать столь интимные вопросы с мужским полом?

Когда её сверстницы кокетничали и учились соблазнять парней, она лежала под капельницами.

– Отлично. Кровати у меня нет, поэтому будем на надувном матрасе тра... заниматься сексом.

Саша растерянно моргнула, задев ресничками повязку.

Первое – они в его доме. Возможно, он не хотел, чтобы она знала, где он живет. Мало ли, какие у него предрассудки. Или, допустим, наличие жены тоже не исключается.

Второе – дом новый. Вроде бы неплохо. Опять же, с другой стороны, если он в стадии строительства, то, видимо, ближайший до него находится не близко. Тревога ядовитой гадюкой заползла в душу девушки. Поздно, Александра, ты начала думать о безопасности. Поздно.

Она охнула, когда её аккуратно положили на надувной матрас, поверх которого была кинута простыня. Опять же плюс.

– Раздевайся.

А вот и минус.

– Полностью?

Ответом ей послужил ироничный смешок.

– Естественно.

– А... договор?

– А он тебе нужен?

Вот это вопрос.

Саша настороженно замерла.

Что-то неправильно идет... Не так, как должно.

Её дыхание замерло, а потом участилось. Она пыталась поудобнее устроиться на матрасе, в коротком платье это было проблематично. Да и тот факт, что мужчина возвышался над ней и видел её, не добавляло комфорта.

– Нет.

– Вот и мне он на хрен не сдался. Наличные или перевод?

Саша изо всех сил постаралась сдержать вздох облегчения. Ни к чему мужчине знать, как она сильно волнуется по поводу денег.

– Перевод.

– Отлично. Давай реквизиты.

– Я могу назвать номер карты.

Да, она подготовилась, как и советовал Григо. Вызубрила шестнадцать цифр так, что, разбуди её ночью, она, сонная, без единой запинки их назовет и не сообразит.

Ещё несколько дней назад Саша открыла счет на имя папы, указав к нему номер своего телефона. Она могла лишь догадываться, чем закончится её авантюра и решила подстраховаться подобным образом. Чтобы с ней ни случилось, и где бы она ни оказалась по истечению суток с момента начала аукциона, родители должны получить деньги.

– Диктуй.

Лаконичность мужчины ей начинала импонировать. Саша ещё с подросткового возраста не особо хорошо относилась к ребятам, кто постоянно чешет языками и несет всякую ересь. Саша всегда ориентировалась на отца – тот говорил по существу, по делу, при этом не скрывая своих чувств. Для него признаться в любви к жене и дочери – обычное дело. Он всегда говорил, что не стыдно говорить о чувствах, стыдно их прятать. Для неё папа всегда будет и останется идеалом мужчины.

Нервно сглотнув и подавив желание дернуть повязку, Саша произнесла цифры.

– У тебя хорошая память. Подготовилась?

На этот раз Саша проигнорировала насмешку. Плевать. Пусть что хочет, то и думает.

Она ничего не успела ответить – в её сумке-рюкзаке пропищал сигнал, оповещающий о входящем сообщении. Сердце Саши облилось кровью. Кажется, успокоительные переставали действовать. А вот это плохо.

– Деньги зачислены.

– Я могу посмотреть?

– Не доверяешь?

Саша покачала головой.

– Я даже вашего имени не знаю.

Послышался шорох. Саша думала, что Осетин преставится, но он вместо слов всучил ей в руки сумку.

– Отыскать телефон сможешь, не снимая повязку?

Его маниакальное желание сохранить инкогнито начинало нервировать Сашу.

– Смогу.

– Действуй. При прочтении приподнимешь повязку. Думаю, лишних движений делать ты не будешь, куколка.

Не будет.

Дрожащими руками Саша отыскала молнию, открыла сумку, нашла телефон, что всегда вставляла в кармашек, и, лишь взяв его, чуть оттопырила край повязки, мазнула пальцем по сенсору, открывая сообщение.

«На Ваш счет поступило 750000 руб...»

Всё. Он расплатился.

За девственность, которой нет.

Глава 6

Саша вернула повязку на место, отложила сумку, встала на колени и принялась раздеваться. Зачем заставлять Осетина повторять просьбу-приказ дважды?

Она постаралась абстрагироваться от происходящего. Или следует поступить наоборот и сосредоточиться? Повязка ужасно раздражала. Она была из плотной ткани и не пропускала свет. У Саши закрались подозрения, что Осетин и вовсе не включал свет.

А ещё...

Создавалось впечатление, что она, Саша, не особо ему и нужна. Да, вот именно так.

То есть в представлении Александры те мужчины, что пришли в клуб с целью купить себе непорочную, чистую девушку, должны как-то к этому подготовиться. Конечно, не шикарный номер с цветами и ароматическими свечками, ванна с душистой пеной и шампанским, но... не надувной матрас – это точно!

Платье оказалось снятым. Теперь дело за комбинацией.

В комнате раздавались и другие звуки, по которым Саша определила, что мужчина так же раздевается, причем, бросая вещи прямо на пол. Вот куртка упала. Вот бряцнул ремень, ударившись о ламинат или паркет. Хорошо, что хоть не бетонная плита, Саша и к этому уже была готова.

С комбинацией она самостоятельно справиться не смогла. Несколько крючков, что фиксировали белье за спиной, расстегнуть с завязанными глазами было невозможно. Испытывая физическое и моральное неудобство, изворачиваясь, как только можно, и, потерпев фиаско, Саша решила попросить о помощи:

– Мне не расстегнуть...

– Я уже понял, – её бесцеремонно оборвали.

Легкое колыхание воздуха оповестило Сашу о том, что мужчина подошёл к ней. Когда его руки опустились на её плечи, она невольно вздрогнула.

– Не дергайся. Всё будет хорошо.

Это он таким образом её пытается успокоить?

Саша сжала губы.

Его резковатый, даже грубоватый голос никак не способствовал благоприятному настрою. Напротив. Воображение Александры подкидывало одну картину красочнее другой. И то, как его называли в клубе, и то, что он проигнорировал её намёк представиться, не добавляло спокойствия.

Они собираются заниматься сексом, даже не зная имен друг друга!

Даже больше! Он заплатил миллион рублей за ночь с ней! А обращается, как с девочкой, что снял в клубе и собирается расплатиться парой сотен долларов за быстро сделанный минет.

Или Саша слишком высоко задрала планку? Напридумывала, что с ней должны будут носиться, окружить вниманием? Мужчина купил себе игрушку на ночь, возможно, для него цена и не имеет значения. Попользует и забудет. Поставит галочку, зарубку на удовлетворенном мужском эго.

Возможно, так и было бы, если бы не одно большое решающее «но», сюрприз, о котором он ещё и не догадывается.

Мужские пальцы двигались уверенно и ловко. Осетин явно привык обходиться с женским бельем, застежки ему поддавались легко, одна за другой. И одновременно чужое прикосновение вызывало дрожь по всему телу Саши. Ей не удавалось справиться с накатившими эмоциями. Черт... Хотя бы его лицо увидеть! Понимать, с кем имеешь дело!

Григо был прав – она ввязалась в очень сомнительную авантюру. Тому подтверждение, что она сейчас находится непонятно где и неведомо с кем. Утешало одно – с десяток людей

из клуба знали, кто её купил и увез. Это так, на крайний случай... Который, как искренне надеялась Саша, всё же не наступит.

– Привстань, я сниму с тебя трусики.

О, как...

Трусики. Снимет.

У Саши слегка закружилась голова.

То, что мужчина находился за её спиной, ей категорически не нравилось.

Темнота. Чужой дом. И незнакомец за спиной.

Она, откинув прочь мысли об изящности и какой-либо сексуальной грации, стараясь не порвать дорогое белье, встала.

Мужские руки, как и некоторое время назад на трассе, властно легли ей на бедра. Чуть сжали, отчего по телу Саши неожиданно растеклось тепло. Всё-таки атмосфера таинственности начала действовать и на неё.

А вдруг... всё на самом деле будет хорошо?

Саша очень хотела бы возбудиться, почувствовать истому между ног. Ей хотелось бы, чтобы секс прошел безболезненно, не оставив у неё в душе неприязни, а на теле болезненных ощущений. К сожалению или к счастью, но она не относилась к числу тех вертихвосток, что с готовностью откликались на прикосновения любого молодого человека. Саша испытывала легкое возбуждение пару раз, но в тех случаях оно ни к чему не привело.

Сейчас ей надо возбудиться. Точнее, увлажниться. У неё даже мелькала шальная мысль купить в аптеке лубрикант и смазать себя. Мысль отбросила – заказчик же наверняка будет наблюдать. Ну, мало ли, какие у него будут предпочтения.

Оказались... интересные. Повязка и надувной матрас.

Чееерт...

Трусики с неё снимали медленно. Очень. Тягуче. Если бы Саша была чуть поопытнее, она бы поняла, что мужчина наслаждается процедурой обнажения. Тому, как раскрывается в слабом освещении её кожа, что едва ли не мерцает в бликах полной луны. Поездка на байке и снятие платья через голову растрепало белоснежные волосы, и они кокетливо струились по тонкой шее и изящной спине. Длинные. Роскошные. Вызывающие желание намотать их на кулак и потянуть, максимально сильно, чтобы сзади можно было увидеть торчащие от возбуждения соски.

– Переступи.

Куда... что... как...

Саша изо всех сил старалась не упасть и подавляла желание схватить воздух.

Ей не нравилась игра, затеянная Осетином. Пришлось напомнить, что деньги переведены – раз. А два... Два наступит минут через десять в лучшем случае, когда он обнаружит, что его обманули.

Чееерт...

Мужчина по-прежнему предпочитал оставаться сзади. И руки вернул на бедра. Сжал. Скользнул по позвоночнику, чуть надавил.

– Покажи себя.

Александра растерянно моргнула.

– Как? Я не понимаю...

– Нагнись. Выпяти попку.

Вот теперь его слова обжигали. Помимо воли, внутрь Саши вплеснули кипятком, обожгли внутренности, низ живота. Что это было? Страх? Та самая пресловутая женская капитуляция, когда хочется превратиться в первобытную самку и да, подставить попу, вильнуть ей, призывая к активным действиям?

Господи, о чем она думает?!

Саша сначала уперла руки в матрас, потом опустила на локти. Так?

Видимо, оказалось недостаточно, потому что ладонь Осетина сильнее надавила на поясницу, заставляя выгнуться.

– Ты роскошная кукла. Будешь иметь успех у мужиков. От клиентов отбоя не будет.

Всё то хорошее, игривое, слегка возбуждающее, что зарождалось в Саше, испарилось в одночасье. Он незатейливо поставил её на место. Мол, кукла, твоё дело задницу отключить да ноги раздвигать. Вот этим и занимайся, а не придумывай себе красивые сюжеты.

Саша закрыла глаза и плотно сжала губы.

Просто, Александра, делай, как он говорит и всё.

Главное, вроде бы калечить не собирался, с остальным справишься.

Наверное.

Рука по-хозяйски прошла по позвоночнику, вернулась к ягодицам и остановилась у тугого колечка попы.

– Тут тоже девочка?

Глаза у Саши мгновенно распахнулись, дыхание участилось.

– Да, – она не стала скрывать, что ей стало страшно. К анальному сексу она не готовилась. Понимала задворками сознания, что клиент может потребовать и его, сейчас анальный секс так же часто практикуется, как и традиционный, и всё же... Заказчик же должен понимать, что если он себе покупает девственницу, то и брать её в попу, скорее всего, будет болезненно для девушки. С другой стороны... за такие деньги...

Палец никуда не исчезал. Напротив, надавил, и Саша непроизвольно дернулась, едва не упав животом на матрас, но вторая рука задержала, скользнув под бедра.

– Тихо... тихо... Я только проверю.

Что проверит?

С каждой прошедшей секундой Саше становилось всё страшнее. Хотелось уже закричать, чтобы не смел трогать её тугое колечко! Пришлось до крови закусить губу и напомнить, что ей ни в коем образе нельзя с ним ссориться, не сейчас.

– Не надо... пожалуйста...

Просьба всё же сорвалась с её губ.

Ответом ей послужила усмешка.

– Хорошо, пока не буду. Но разработать тебе её всё равно разработают. Даже, возможно, я.

Отреагировать Саша не успела, потому что Осетин быстро перевернул её на спину, словно она была невесомой. Саша лишь испуганно ойкнула от быстрой перемены.

Осетин продолжал дальше её шокировать, навалившись сверху и успев при этом широко развести её бедра в стороны.

Он был обнажен. Полностью.

Паника захлестнула Александру с новой невероятной силой, которую контролировать становилось практически нереально. Хотелось кричать, визжать, сопротивляться. Оттолкнуть его. Послать куда подальше. Расторгнуть договор.

Или проснуться, уверив себя, что всё происходящее только сон. Дурной. Страшный.

Сашин циник снова поднял голову – в её жизни кошмары и пострашнее присутствовали. Хватит думать о себе. Вспомни, зачем ты здесь, ради какой цели...

Член Осетина уперся в основания её лона. Одно движение с его стороны... Одно влияние её бедер... И он войдет в неё. Вот так – сразу.

Девушка замерла, пытаясь подстроиться под резко изменившуюся ситуацию. Она не могла видеть Осетина, но чувствовала его всего. Он был большим. И там, и в принципе весь. Он покрывал её полностью, и, казалось, лишал возможности свободно дышать. Она чувствовала его руки, расставленные по обе стороны от её головы.

Он нависал над ней...

– Да что же вас, таких юных и красивых, продаваться-то тянет, а, куколка? Подороже. Толчок.

Пытается войти.

– Хочется устроиться пошкарнее? Понадежнее?

Ещё толчок.

Её сухие складки чуть приоткрылись.

– Дорогие шмотки, рестораны, курорты? И плевать, с кем и как, да? Ты же наверняка думала, что я тебя повезу в шикарный отель или в особняк на Рублевку, где тебя уже будет ждать ванна с шампанским и ложе из роз? Да, кукла?

Его большая головка вошла.

– И в твоей белокурой головке даже мысль не возникла, что тебя могли отвезти в какой-нибудь БДСМ-клуб, где на потеху публики тебя бы драли всю ночь!.. Снимали бы на камеру, как чернозадый негр отымел твою тугую шелку, пустил бы кровь, а после этой кровью измазал бы себе бедра и живот! И это было бы только началом!

Как ни старалась Саша не реагировать на его слова – не могла. Градус напряжения достиг точки кипения, и она дернулась, попыталась увернуться от его входящего члена, закрыться от его слов, что давили с невероятной силой и вызывали в её воспаленном мозгу красочные картины.

– Куда, куколка...

Жесткий захват не позволил сдвинуться с места.

– Вы пугаете меня... вы...

– Тихо... тихо... Я говорю, как есть. Тихо, я сказал.

Он остановился, перестал продвигаться внутрь, за что Саша ему мысленно сказала спасибо.

Действуя инстинктивно, она подняла руки и дотронулась до его груди. Мужчина ощутимо напрягся. Она пошла дальше – провела раскрытыми ладонями по его грудной клетке, отмечая, что у Осетина она широкая, прокаченная. Даже с закрытыми глазами она могла представить его силу. Легкая поросль волос щеколтала ладони.

– Не надо... Не пугайте... я...

Она не договорила. Задохнулась.

Потому что он одним плавным, но от того не менее расчетливым и жестким движением проник полностью.

Саша невольно впиалась короткими коготками в мужскую грудь.

Чтобы сразу же услышать цветастое матерное выражение.

– Ах ты... Вот сукаааа!

Саша зажмурилась, пытаясь одновременно не двигаться, дать возможность привыкнуть к большому размеру Осетина, что распирал её изнутри, доставляя нехилый дискомфорт.

А ещё не испугаться. Не дать мужчине ещё хуже отреагировать на её обман. Преодолевая боль и страх, Саша подалась вперед, вскинула ноги, обхватывая бедра мужчины.

Послышалось рычание, которое прострелило её и без того натянутые до предела нервы.

– Дрянь.

Черная повязка была сорвана с лица Александры.

Толчок. Толчок. Толчок.

Саша даже не успела толком рассмотреть ни комнату, ни мужчину.

Жесткая рука легла на её шею, надежно зафиксировав. Она не сдавливала, не причиняла боль, просто не позволяла двигаться.

У Саши навсегда запечатлется в мозгу эта картина: комната, освещенная только лунным светом, высокий, темноволосый мужчина с отросшей щетиной, пылающие яростью и похотью глаза.

А дальше – темнота.

Осетин надавил на какую-то точку на шее Саши, и девушка потеряла сознание.

Глава 7

Пришла в себя Саша от того, что ей в лицо брызнули водой.

Задохнулась и вынырнула из спасительной темноты, чтобы сразу же зажмуриться от резкого яркого света.

Саша кое-как проморгалась. В голове стоял легкий шум. Её... вырубили?

Серьезно?

Сознание медленно возвращалось к ней.

В области шее ощущался сильный дискомфорт, даже более относящийся к болезненным ощущениям. Впрочем, такие же были и между ног.

Саша лежала на надувном матрасе и шурилась, пытаясь привыкнуть к яркому свету, который теперь в избытке освещал комнату.

Открывать глаза было боязно, если вспомнить яростную реакцию Осетина.

– Ещё водички, Саашаа?

Собственное имя послужило для Александры сильнейшим катализатором.

До этого мужчина её называл не иначе, как куколка.

Конечно, он слышал её имя там, в клубе, как и другие участники аукциона, и всё же именно сейчас он выбрал момент, чтобы произнести его. Неспроста.

Саша открыла глаза.

Первое, что бросилось – серые оштукатуренные стены. Она оказалась права в своем предположении – её привезли в дом, находящийся в стадии строительства. Потолки высокие – метра три с половиной не меньше, также находящиеся в черновом варианте, обшитые или гипсокартоном, или другим каким-то листовым материалом, Саша плохо разбиралась в них, имела только общие представления.

Лежала она спиной и оставалось догадываться, что за ней располагалось. Да и вертеть головой... Не в той она ситуации находилась.

Саша бежала от реальности, от того, что необходимо сместить взгляд вниз, посмотреть вперед.

На Осетина.

Что сейчас сидел на корточках у её ног рядом с матрасом.

Кровь прильнула к вискам, Саша уговаривала себя не нервничать, она готовила себя к разоблачению, и всё же... К такому сложно подготовиться, если ты, конечно, не профессиональная авантюристка и с детства не отличаешься изворотливостью и лживостью натуры.

Саша протяжно выдохнула и посмотрела на Осетина.

Ох, ёёёё...

Её реакция была именно такой.

Если бы она повстречала этого мужчину при других обстоятельствах, он бы произвел на неё не менее сильное впечатление, чем сейчас.

Она не ошиблась в одном – мужчина много времени уделял спорту. Сейчас она могла в этом убедиться – на Осетине были лишь джинсы, наспех одетые и до конца не застегнутые. Всё. Ни футболки, ни обуви.

Тело – литое. Сильное. С витиеватыми мышцами, в которых просматривалась немалая сила. Бронзовые от загара, они перекачивались при малейшем движении.

Несколько татуировок, на которых сейчас Саша не заострила внимание.

Её больше интересовало лицо.

Лицо у Осетина было «тяжелое». Это определение придумала для себя Саша сама. Оно обосновывалось на восприятии человека. Когда ты смотришь на него и мысленно цепляешь

ощущение от его вида. Есть люди, с которыми мгновенно находишь общий язык, тебя ничего не стесняет в общении, и ты готова болтать с ними часами. А есть люди, внешний вид которых заставляет твою интуицию, твои рецепторы, ощущения напрячься. Они внутренне кричат – будь начеку. Это не означает, что человек с «тяжелой» внешностью плохой или от него стоит держаться подальше. Возможно, он даже станет твоим лучшим другом или твоей судьбой. Просто с таким типом людей, по мнению Саши, намного сложнее найти точки соприкосновения.

Осетин относился именно к этой категории. Волевой подбородок, черные брови, высокие скулы, полноватый рот.

И черные глаза.

Нет, конечно, глаза у него были не черные, подобного цвета не существует в природе. Но из-за люминесцирующего освещения темно-карие глаза казались черными, жутковатыми.

Гипнотизирующими.

Саша даже нервно сглотнула.

С ней такое было впервые. Она знала, что привлекательна и при желании может привлечь внимание мужчины, она иногда, очень редко, но ходила на свидание. Правда, молодые люди обычно, когда узнавали о ней некоторые подробности, вторичного свидания не назначали. Поэтому Саша махнула рукой. Нет, так нет.

Сейчас же её едва не затрясло от мистического чувства надвигающихся перемен. Словно невидимый торнадо направлялся в её сторону, а она его не видела, не имела возможности убежать от него. И он норовил затянуть её в воронку, поглотить.

Мужчина ничего не говорил. Он даже ленивой позы не сменил. Как сидел на корточках с полупустым стаканом, так и продолжил.

Просто сидел и смотрел на Сашу.

А у той хоровод мурашек по спине побежал.

Она понимала – ей необходимо что-то сделать, сказать. В конце концов, просто улыбнуться. Извиниться. Хоть что-то. И не могла. Язык прилип к нёбу, онемел, отказывался ей повиноваться. В горле всё пересохло, и она бы с удовольствием сделала глоток той самой воды, что плеснули ей в лицо, желая привести в сознание.

Незнакомец не был красив в общепринятом модельном смысле этого слова. Таких не печатают на глянце. Но мужчины подобного типажа играют убийц, вояк, супергероев и срывают аншлаги. Суровый брутал, иначе и не скажешь.

Даже продолжая полулежать, а он ее осматривал в сидячем положении, Александра снова невольно ощутила разницу в их росте. Она была среднего роста, ближе к миниатюрному. Метр шестьдесят. И её всегда устраивал свой рост. Ей нравилось чувствовать себя маленькой. Когда-то она мечтала, что любимый мужчина будет её носить на руках... Мечты, мечты... И мужчины ей нравились крупные, высокие.

Как этот незнакомец.

Возможно, в другой жизни... Так и было бы. Непременно. Если бы не диагноз.

Не долг.

Не обман.

Не аукцион.

Если бы...

Но что-то определенно волнующее в Осетине было. Некая «самцовость», что пробуждала в девушках дремлющее до поры до времени либидо. Аура власти, силы, которой хотелось подчиниться. Когда девушка начинала сожалеть, что они живут в цивилизованном обществе, и вот такой индивид не может попросту её перекинуть через плечо и утащить к себе в берлогу.

Хотя это не про неё.

Её-то как раз он и привез в свою «берлогу».

Но это было не всё.

Волосы темные, коротко стрижены. Прилично отросшая щетина, что придавала образу Осетина больше хищности, затаенной опасности, одновременно притягивая и как бы предупреждая, что с обладателем подобной внешности связываться опасно.

Но больше всего из увиденного, помимо черных глаз, Сашу шокировали тонкие, белесые полоски, что просматривались через отросшую щетину, имелись на щеках и на лбу. Их было не меньше десятка.

Шрамы.

Застаревшие, очень давние.

Саше приходилось видеть подобные. В больнице чего только не насмотришься.

Если бы у шрамов были рваные линии, можно было бы предположить, что они получены в результате аварии, стеклом.

Нет. Они были ровные. Едва ли не идеальные.

Точно кто-то специально их «рисовал» на лице.

– Не надо. Спасибо.

Она всё же нашла в себе силы ответить.

Молчание становилось неудобным. Особенно под его пристальным, насмешливым взглядом.

– Как скажешь, – его губы скривились в циничной усмешке, и мороз побежал по позвоночнику девушки.

– Мне бы укрыться...

– Нет.

Сказал мягко, вкрадчиво, только отчего Саше стало страшно? Даже жутко.

Она интуитивно сместила голову туда, где лежала её одежда и с удивлением увидела, что содержимое её сумки вывернуто и валяется теперь на его куртке. Спасибо, что не на полу. Кошелек, телефон, парфюм, документы и... лекарства. Несколько баночек и пластинок.

Осетин демонстративно проследил за её взглядом.

– Да, меня тоже немало удивило содержание твоей сумочки, куколка. Минимум женских штучек, максимум лекарств. Ты у нас девушка с сюрпризами.

Находиться обнаженной становилось всё сложнее, тяжелее. Особенно учитывая, что свет падал прямо на надувной матрас. Да и сам диссонанс – она раздета, на Осетине какая-то одежда, но есть. Она понимала, что он выдворяет её тем самым из зоны комфорта, и у него это отлично получается. Несмотря на то, что ей приходилось довольно часто раздеваться перед врачами, природная стеснительность никуда не делась, вернулась в тройном размере.

Перед незнакомцами она точно голышкой не лежала.

И взгляд у него – оценивающий, будоражащий.

Осетин вызывал сильные ответные чувства. Его «самцовость» ощущалась в полной мере. Даже давила. Будь у Сашы чуть больше опыта, она бы реагировала чуть иначе – спинку выгнула, улыбнулась соблазнительно, язычком по губкам провела. Активировала бы эту самую «самцовость».

Но с Сашей всё было иначе. Она стеснительно зажималась под оценивающим мужским взглядом, что по-хозяйски её осматривал.

– Я могу объяснить...

Прозвучало очень жалко.

Как результат – мужские брови медленно скользнули вверх.

– Ты думаешь, мне нужны объяснения?

И, правда, глупость она сказала.

– Я отработаю.

– О. Уже интересно. Хочешь, расценки скажу?

Саша медленно покачала головой.

– Не надо.

– А зря. Это я к тому, насколько ты сильно встряла, куколка. Хотя... – он специально растягивал слова и проходил по её нервам. Выжидал и наблюдал, всё сильнее и сильнее ей напоминая смертельно опасного хищника, что загнал свою жертву в ловушку и не спешит её уничтожить, играет. – Думаю, ты и так всё знаешь. Верно, Александра?

Саша дышала через раз.

Она начинала опасаться за своё самочувствие. Главное – снова не упасть в обморок или не вызвать приступ. В последнее время у неё наблюдалась стабильность. И это тоже пугало. Затишье перед бурей.

– Разрешите мне одеться, – снова повторила она свою просьбу.

– Зачем? Я ещё с тобой не закончил, Саша. Впереди вся ночь. Да и не ночь тоже.

Он внимательно следил за ней, она это видела. Чувствовала. У неё возникло ощущение, что Осетин просчитывает в голове какую-то комбинацию. Играет с ней. Забавляется. И то, что она оказалась не девочкой, его если и напрягло, разозлило, то не так, чтобы он бесновался и требовал компенсации или чего хуже – начал её избивать или насиловать в жесткой извращенной форме. Его сей факт поразил, конечно, но не до бешенства.

И сейчас, глядя на Осетина из-за опущенных ресниц, Саша не могла понять, что для неё было бы лучшим исходом ночи.

Прикасаюсь к ней он не спешил. Выжидал. Изучал.

Для чего? Вот какой вопрос напрашивался снова и снова.

– Извините.

А что она могла ещё сказать? Все заготовленные заранее слова куда-то испарились. Она ожидала гневного взрыва, возмутительных криков, но не холодного равнодушия, от которого хотелось скрыться. Если бы рядом находилось одеяло, Саша предприняла бы попытку, хотя сомневалась, что ей бы позволили.

– Извинения не принимаются.

Она готова была к подобному заявлению.

– И я очень не люблю, куколка, когда меня обманывают. Очень.

Это было сказано так, что Саша испугалась. По-настоящему. Когда полуобнаженный мужчина, сидящий от тебя в метре, абсолютно тебе не знакомый, имеющий внешность, мягко говоря, не планктонного офисного работника, не сводит с тебя темного взгляда, страх начинает появляться произвольно. Мужчина тебе ничего не делает, не трогает даже пальцем, фактически не дышит в твою сторону, а ты вся замираешь в предчувствии чего-то фатального, рокового, что коренным образом поменяет всю твою дальнейшую жизнь.

Даже если это емкое слово «жизнь» для тебя заключается в короткий период до нескольких недель.

– Ты хорошо подготовилась. Знала, что дежурного врача не будет именно сегодня. С чьей подачи попала в клуб?

Осетин продолжал говорить, не ожидая от неё ответов. Саша запоздала подумала про его странное прозвище, не соответствующее внешнему виду. По крайней мере, у неё складывалось такое впечатление. Да, темнокожий, смуглый, с щетиной, но нет характерных признаков его принадлежности к осетинской национальности. Или к лицам, что принято называть кавказцами.

Тем временем он продолжал:

– Через пять-десять минут я буду знать, кто тебя рекомендовал. Мне интересно, почему он так подставился, твой рекомендатель хренов. Трахаетесь с ним?

– Нет, – снова нервно сглотнула, хотя во рту всё пересохло. – Знакомы со школы.

Саша решила максимально говорить правду.

– Значит, Григо. Этот молодой хищник.

Обжигающий жар сменил холод в теле Саши. Она смотрела на мужчину, не моргая.
Кто же он такой...

И его чертова информированность не могла не ужасать. Значит, он был знаком с Гришей, и его характеристика парня полностью соответствовала той, что дала мысленно Григо сама Саша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.